

Из классического наследия

Памяти П. Бурдьё

Биографическая иллюзия ¹

Пьер Бурдьё

История жизни – это одно из тех понятий здравого смысла, которые незаконным путем проникли в научный мир. Сначала без всякой помпы оно стало использоваться в научном языке этнологов, а недавно оно не без шума вошло в оборот у социологов. Говорить об истории жизни – значит, по крайней мере, предполагать (а это уже немало), что жизнь – это история и, как гласит заглавие романа Мопассана «Жизнь», – представляет собой неразрывную совокупность событий некоторого индивидуального существования, задуманного и как история, и как рассказ об этой истории.

Именно это подразумевается в понятии здравого смысла, то есть обыкновенный язык, который описывает жизнь как дорогу, карьеру со своими перекрестками (Геркулес между пороком и добродетелью), своими ловушками и засадами (Жюль Ромэн говорит о «сменяющихся друг друга последовательных засадах, конкурсах и экзаменах»), как продвижение или, другими словами, как путь, которым идут и который надо пройти, как дорога, бег, *cursus*, переход, путешествие, ориентированный маршрут, линейное передвижение в одну сторону («мобильность»), имеющее начало («начало жизни»), этапы и конец, понимаемый двояко: как предел или цель («он пройдет свой путь» означает, что он преуспеет, сделает хорошую карьеру), а также как конец истории. В этом и заключается молчаливое принятие философии истории, рассматриваемой в качестве последовательности исторических событий, *Geschichte*, которая включена в философию истории, понимаемую как исторический рассказ, *Historie*, короче, рассматриваемая в теории рассказа, исторического или литературного, где биография и автобиография почти неразличимы.

¹ Опубликовано: Pierre Bourdieu. 1986. L'illusion biographique. In: *Actes de la recherche en science sociales*. P.69–72.

Не претендуя на полноту, можно попытаться определить некоторые из допущений этой теории. Сначала необходимо отметить, что «жизнь» составляет некое целое, связную и направленную совокупность, которую можно и нужно воспринимать как единое выражение субъективной и объективной «интенции» некоторого проекта. Под проектом мы имеем в виду сартровское понятие «изначального проекта», которое эксплицитно выражает то, что содержится в таких категориях, как «уже», «с тех пор», «с самого раннего возраста» и т.д., в обыкновенных биографиях или в категории «всегда» («я всегда любил музыку») «жизненных историй». Жизнь, организованная как история, разворачивается в хронологическом порядке – он также есть логический порядок – с самого начала, с происхождения, рассматриваемого двояко: как отправная точка, начало, но также и как основной момент смысла существования – от первопричины до своего предела, который одновременно является и целью.

Биографический или автобиографический рассказ похож на рассказ обследуемого, который «отдается» интервьюеру и выносит на суд события, которые не всегда происходят в строгой хронологической последовательности (тот, кто собирал жизненные истории, знает, что интервьюируемые постоянно теряют нить строгой календарной последовательности событий), но которые стремятся сорганизоваться в упорядоченную последовательность на основе разумных и понятных связей. Субъект и объект биографии (интервьюер и интервьюируемый) в некотором роде оба стремятся принять постулат смысла существования, о котором идет речь (имплицитно – существования в целом). Мы, несомненно, вправе предположить, что автобиографический рассказ всегда в той или иной мере руководствуется стремлением наделить описываемые события смыслом, выявить их причину, логические связи, одновременно обращенные в прошлое и в будущее, показать обоснованность и неизменность, устанавливая при этом ясные отношения, например, отношение следствия и причины между последовательными состояниями – этапами необходимого развития. (Возможно, эти последовательность и необходимость в принципе обусловлены интересом, который может варьироваться в зависимости от места и траектории, которые интервьюируемые придают биографии)². Склонность становится идеологом своей собственной жизни, выбирая в зависимости от глобальной интенции определенные значимые события и устанавливая между ними связи, которые предполагаются в виде причин или чаще в виде целей, представляет естественную трудность для биографа, который стремится принять все, начиная с собственных установок профессионального интерпретатора как искусственное творение смысла.

Существенно, что отказ от структуры романа как линейного повествования совпал с обсуждением сомнительности взгляда на жизнь как на бытие, наделенное двойным смыслом: как значимость и направление. Этот двойной разрыв, символически выраженный в романе Фолкнера «Шум и ярость», в полной мере представлен в определении жизни как анти-истории, которое предложил Шекспир в конце трагедии «Макбет»: «Это история, которую рассказывает идиот, история, полная шума и ярости, но лишенная смысла».

---

² См. Ф. Мюэль-Дрейфус, 1983. Профессия преподавателя. Париж: Минюи.

Писать историю жизни, трактовать жизнь как историю, то есть как связанное повествование о значимой и направленной последовательности событий, – это, возможно, равноценно принесению себя в жертву риторической иллюзии, общим представлениям о существовании, укреплять которые литературная традиция никогда не прекращала. Поэтому логично просить помощи у всех тех, кто был призван порвать с этой традицией на своем личном примере. Как указывает Ален Роб-Грийе, «появление современного романа связано с открытием того, что реальность прерывна; она состоит из произвольно наложенных друг на друга элементов, каждый из которых уникален, поэтому тем более трудно понять, что они все время появляются неожиданно, без объяснений, случайно»³.

Изобретение нового способа литературного выражения, напротив, вызывает появление произвольности и в традиционном представлении романного дискурса, рассматриваемого в качестве связанной и обобщающей истории, и в философии экзистенциализма, включающей эту риторическую конвенциональность. Ничто не обязывает принимать философию экзистенциализма, которая для некоторых ее инициаторов неотделима от риторической революции⁴, но в любом случае невозможно уклониться от вопроса о социальных механизмах, канализирующих повседневный жизненный опыт, рассматриваемый как единица и как целое. Как в самом деле, не выходя за рамки социологии, ответить на старый эмпирический вопрос о существовании некоего «я», несводимого к рапсодии отдельных ощущений? Без сомнения, можно найти в габитусе активный, несводимый к пассивному восприятию принцип объединения практики и представления о ней (другими словами, исторически образованный эквивалент этого «я», из которого, согласно Канту, надо постулировать существование, для того чтобы дать себе отчет о синтезе разнообразного чувственного, данного нам через интуицию, и о связи представлений в едином сознании). Но эта практическая идентичность поддается интуиции только в нескончаемой серии последовательных проявлений таким образом, что единственный способ воспринять ее, возможно, заключается в попытке снова овладеть ею в единстве подводящего итог повествования (как позволяют это делать различные более или менее институционализированные формы «рассказа о себе», повествования и т.д.).

Социальный мир, стремящийся отождествить норму с идентичностью, понимаемой как постоянство в себе ответственного существа, другими словами, предсказуемого или, по крайней мере, объяснимого, как в хорошо выстроенной истории (в сравнении с историей, рассказанной идиотом), располагает всевозможными институтами обобществления и унификации. Наиболее очевидным представляется имя собственное, которое как «жесткий указатель», по выражению Крипке, «выделяет один и тот же объект в любом возможном мире», то есть конкретно в различных состояниях одного и того же социального поля (диахроническое постоянство) или в разных полях в

³ А. Роб-Грийе. 1984. Зеркало, которое возвращает. Париж: Минюи, с. 208.

⁴ - «Все это происходит из реальности, то есть где-то фрагментарно, ускользающе, бесполезно, настолько случайно и особенно, что любое событие появляется там в любой момент как беспричинное (немотивированное), поэтому всякое существование, в конечном счете, рассматривается как лишенное малейшего объединяющего значения» (Роб Грийе, там же).

один и тот же момент времени (синхроническое единство во множестве занимаемых позиций)⁵. А Зифф, который описывает имя собственное как «фиксированную точку в подвижном мире», имеет основание видеть в обрядах крещения способ обретения идентичности⁶. С помощью этой своеобразной формы номинации – имени собственного – на длительный период создается постоянная социальная идентичность биологического индивидуума во всех возможных полях, где он выступает в качестве агента, то есть во всех возможных жизненных историях. Имя собственное «Марсель Дасо» вместе с биологической индивидуальностью, которая предстает в социально обусловленной форме (что обеспечивает постоянство во времени и единство в социальном пространстве различных социальных агентов, которые являются проявлением этой одной индивидуальности в различных полях), принадлежит руководителю предприятия, руководителю издательства, депутату, кинопродюсеру и т.д. Не случайно, подпись – *signum autenticum*, которая устанавливает подлинность личности, является юридическим условием перехода из одного поля в другое – от одного агента к другому – свойства, присущего конкретному институционализированному индивидууму. Собственное имя, рассматриваемое в качестве института, вырвано из времени и пространства, из изменений, происходящих в зависимости от места и времени; тем самым оно обеспечивает избранным личностям при всех биологических и социальных колебаниях номинальное постоянство, идентичность в смысле тождественности самому себе, *constantia sibi*, то требует общественный порядок.

Мы понимаем, что во множестве социальных миров самые святые обязанности по отношению к самому себе принимают форму обязанностей по отношению к имени собственному (которое всегда является именем общим, выступая в роли родовой фамилии с уточнением в виде имени). Имя собственное – это видимое свидетельство идентичности его носителя во времени и социальном пространстве, фундамент целостности ее последовательных проявлений и социально признанной возможности накопления этих проявлений в таких официальных записях, как *curriculum vitae*, *cursus honorum*, досье криминалистического учета, некролог или биография, составляющих жизнь в законченном единстве через вердикт, выносимый во временной или окончательной форме. Имя собственное как «жесткий указатель» является по преимуществу формой произвольного предписания, которым оперируют институциональные ритуалы: номинация и классификация вводят четкие, абсолютные деления, индифферентные к ситуативным особенностям и частным несчастным случаям в туманном потоке биологических и социальных реальностей. Таким же образом объясняется тот факт, что имя собственное не может описывать свойства: оно несет в себе только информацию о том, что оно называет, поскольку то, что оно обозначает, – это всегда лишь рапсодия разнородных биологических и социальных свойств, находящихся в постоянном изменении; поэтому любые описания будут иметь силу только в рамках некоторого этапа или пространства. Другими словами, можно оп-

---

⁵ См. С. Крипк, 1982. Логика собственных имен (Называние и необходимость). Париж: Ми-
нюи, а также П. Энгель, 1985. Тождество и референция. Париж: Пенс.

⁶ А. Зифф, 1960. Семантический анализ. Итака: Изд-во Корнельского университета.

ределить идентичность личности как социально обусловленной индивидуальности только на уровне высокой абстракции. Именно об этом идет речь, когда Пруст употребляет определенный артикль перед именем собственным: “le Swann de Bukingham Palace” («Сван Букингемского дворца»), “l’Albertine d’alors” («тогдашняя Альбертина»), “l’Albertine caoutchoutie des jours de pluie” («Альбертина в резине дождливых дней»). С помощью этого непростого приема одновременно заявляет о себе и «неожиданное открытие разделенного на части множественного субъекта», и постоянство социальной идентичности, предписываемой именем собственным, за всем этим множеством миров⁷.

Таким образом, имя собственное является опорой (есть даже соблазн сказать субстанцией) того, что мы называем гражданским состоянием, то есть совокупности свойств (национальность, пол, возраст и т.д.), приписываемых людям, с которыми гражданское законодательство ассоциирует правовые действия, и которые образуют акты гражданского состояния под видом их констатации. Будучи продуктом институционального ритуала инициации, открывающего доступ к социальному существованию, оно является истинным объектом всех последовательных институциональных ритуалов или номинаций, по которым строится социальная идентичность. Эти атрибутивные акты (часто официальные и торжественные), совершаемые под контролем и имеющие гарантию государства, также являются строгими обозначениями, то есть имеют силу во всех возможных мирах, где происходит официальное описание данного вида социальной сущности, которая трансцендентна по отношению к историческим колебаниям. Устанавливающие социальный порядок через имя собственное, все эти акты в действительности покоятся на постулате о постоянстве номинального, который предполагается всеми аспектами номинации и, в более общем случае, всеми юридическими аспектами, рассчитанными на долгосрочное будущее. Об этом постулате идет речь и в удостоверениях личности (свидетельствах), гарантирующих необратимым образом некую способность (или неспособность) индивиду, и в договорах, рассчитанных на долгосрочную перспективу, например, в договорах о предоставлении кредита или страхования; в уголовных наказаниях, предполагающих утверждение временной идентичности того, кто совершил преступление, с тем, кто понес наказание⁸.

Все это позволяет предположить, что рассказ о жизни стремится в значительной мере приблизиться к официальной модели самопредставления, удостоверению личности, карточке гражданского состояния, анкете, официальной биографии; а также к философии идентичности, которая стоит за всем этим и к которой больше приближены исследования официальных ан-

⁷ Е. Николь, 1981. Персонаж и риторика имени. // *Поэтика*, 46, с. 200-216.

⁸ Собственно биологическое измерение индивидуальности – то, что гражданское состояние понимает под формой описания и фотографией, – может варьироваться в зависимости от времени и места, то есть социального пространства, которые являются намного менее надежной базой, чем чистое номинальное определение (Об изменениях телесного гексиса в зависимости от социальных пространств можно прочесть у С. Марески, 1991, в «Представительство крестьянства. Этнографические замечания о работе представительства руководителей сельского хозяйства» // *Исследования в области социальных наук*, 38, май, с. 3–18).

кет (крайним видом которых являются юридическое или полицейское расследования), удаляясь одновременно от интимного общения родственников и логики признания, которая имеет место на защищенных рынках. Законы, регулирующие производство дискурсов в отношении между габитусом и рынком, применяются к этой особой форме выражения – дискурсе о самом себе. Рассказ о жизни будет варьироваться как по форме, так и по содержанию в зависимости от социального качества рынка, на котором он предлагается, а само исследование неизбежно внесет свой вклад в определение формируемого дискурса. Но собственно объект этого дискурса, то есть публичное представление или придание официального статуса частному представлению собственной публичной или частной жизни, предполагает дополнительные ограничения и особую цензуру (в том числе в крайнем случае – юридические санкции против присвоения различных атрибутов другого лица или незаконного ношения наградных знаков). Таким образом, законы официальной биографии, по-видимому, будут навязывать себя за пределами официальных ситуаций через бессознательные допущения, проявляясь в стремлении к хронологическому порядку и ко всему, что присуще представлению жизни как истории, а также через расследование, которое в зависимости от объективной дистанции между опрашивающим и опрашиваемым и от способности первого «манипулировать» ситуацией может варьировать – от мягкой формы официального опроса (которой зачастую является социологическое исследование, о чем сам социолог может не догадываться) до конфиденциальных признаний через более или менее сознательное представление, которое исследуемый составит себе на основе непосредственного или опосредованного опыта эквивалентных ситуаций (например, интервью известного писателя или политического деятеля, экзамена и т.д.).

Критический анализ плохо изученных и освоенных социальных процессов, – а они протекают без ведома исследователя и сложны для рассмотрения в силу структуры того типа артефактов, одним из которых является «история жизни» с линейной последовательностью событий, – не является самоцелью. Он ведет к построению понятия траектории как серии положений, последовательно занимаемых одним и тем же агентом (или даже группой агентов) в меняющемся, подчиненном нескончаемым трансформациям пространстве. Попытаться понять жизнь как уникальную и самодостаточную серию последовательных событий, не имеющих других связей кроме ассоциирования с неким «объектом», обладающим единой константой в виде имени собственного, почти также абсурдно, как придать смысл поездке в метро, не приняв во внимание его схему, иначе говоря, – матрицу объективных отношений между различными станциями. События биографии определяются количеством вложений и перемещений в социальном пространстве, то есть, точнее, в различных последовательных состояниях структуры распределения различных видов капитала, которые задействованы в рассматриваемой сфере. Смысл движений, переводящих агента из одного состояния в другое (с одной должности на другую, от одного издателя к другому, из одной епархии в другую), определяется со всей очевидностью через объективное отношение смысла и ценности в момент времени, внутри направленного пространства. Другими словами, траектория (то есть социальное ста-

рение, которое неотвратно сопровождает биологическое старение, но не зависит от него) может быть понята только при условии предварительного построения последовательных состояний поля, где она разворачивалась, и, следовательно, совокупности объективных отношений, которые объединили рассматриваемого агента – по крайней мере, в определенном количестве соотнесенных состояний – со множеством других агентов, вовлеченных в то же поле и противостоящих тому же пространству возможностей. Эта предварительная конструкция является условием любой строгой оценки того, что можно назвать социальной поверхностью, как строгое описание личности, обозначенной именем собственным, и которая есть множество позиций, которые одновременно заняты в определенный момент времени социально обусловленной биологической индивидуальностью, составляющей опору для множества свойств и функций, позволяющих ей действовать в качестве энергичного агента в различных полях⁹.

Необходимость совершения этого поворота через конструирование пространства кажется столь очевидной с того момента, когда о ней сказано (кто же будет размышлять о путешествии, не имея ни малейшего представления о том месте, куда он (она) направляется), что было бы трудно понять, почему она не признается сразу всеми исследователями, если бы не было известно, что индивид, личность, «я», словами Андре Жида, «самое незаменимое из существ», к которому нас непреодолимо подталкивает социально подкрепленное нарциссичное влечение, является на вид также самой реальной реальностью, *ens realissimum*, незамедлительно предоставленной нашей замороженной интуиции, *intuitus personae*.

Перевод Мещеркиной Е.Ю.

Автор перевода выражает свою благодарность Игорю Масалкову за ценные замечания и помощь в работе.

⁹ Дистинкция между конкретным и сконструированным индивидом – энергичным агентом – удваивается по отношению к дистинкции между агентом, действующим в некотором поле, и личностью как биологической индивидуальностью, институционализированной посредством номинации и являющейся носителем свойств и полномочий, которые обеспечивают ей (в некоторых случаях) социальную поверхность, то есть способность существовать в качестве агента в различных полях. Целый комплекс проблем, которые в обычных случаях игнорируются, появляется, в частности в статистических исследованиях, когда, к примеру, изучая «элиту», снимают вопрос о социальной поверхности, характеризуя отдельных людей в различных позициях через одно из их рассматриваемых свойств, включая, к примеру, собственника-промышленника, который одновременно является владельцем издательства, в категорию собственников (следствием этого станет исключение из поля культурного производства всех производителей, чья основная деятельность протекает в других полях, упуская тем самым некоторые свойства этого поля).

К вопросу об иллюзиях

Мещеркина Е.Ю.

Это небольшое эссе П. Бурдьё вызвало неоднозначную реакцию научного сообщества, особенно в лице тех социологов, которые занимаются биографическими исследованиями. Кто собственно пребывает в иллюзии – те, кто пытается рассказать свою жизнь, или те, кто пытается ее проанализировать и понять? Такое впечатление, что социологи тогда сильно приняли этот упрек на свой счет. П.Алхайт назвал работу Бурдьё «необычно провокативным эссе» (Alheit, 1990, 287), с точки зрения Г.Розенталя, здесь Бурдьё демонстрирует «полное незнание социологического биографического исследования» (Rosenthal, 1995, 17). А.Нассеи формулирует отклонение биографических текстов как инструментов эмпирического социологического исследования (Nassehi, 1994, 58), а Раконен усматривает в размышлениях Бурдьё даже «тотальный отказ от рассказов» (Rahkonen, 1991, 224).

Прежде всего нам необходим краткий плотный парафраз этого эссе, написанного отнюдь не самым прозрачным языком.

...История жизни – одно из понятий здравого смысла, вошедшего в научный мир с черной лестницы. Рассказ об истории жизни описывает ее как неразрывную совокупность событий некоторого индивидуального существования. Жизнь, организованная как история, разворачивается в хронологическом и смыслонаделяющем направлении. В биографическом интервью и интервьюер, и интервьюируемый исходят из постулата смысла существования, а также причинно-следственных связей между выбранными для рассказа состояниями-событиями. Смысл трудно совместим с линейностью повествования.

Целостность повседневного опыта воспроизводится через социальные механизмы габитуса, объединяющего и практику, и представление о ней. Эта практическая идентичность воспринимается только через повествование о ней.

В целях приведения идентичности к норме общество использует средства контроля, институционализации биографии: через официальное имя собственное и гражданское состояние, атрибутивные акты, удостоверения и т.д.

Гипотеза Бурдьё: рассказ о жизни стремится в значительной степени приблизиться к нормативной модели официального представления личности (удостоверению, анкете, официальной биографии и т.д.). Поскольку этот рассказ зависит от социального качества того рынка, на котором он предложен, вариации идут по форме, а не по содержанию. Более того, этот рассказ – производное от дискурса или общественного представления об официальной форме презентации публичной или частной жизни.

Делается вывод: законы формальной биографии действуют и за пределами официальных ситуаций как власть господствующего дискурса биографий.

Задача критического анализа – построение траектории как серии последовательно занимаемых положений агента в меняющемся пространстве. События биографии определяются количеством положений и перемещений в социальном пространстве или структуре распределения разных видов капитала. Траектория определяется через объективное отношение смысла и ценности в момент времени, локализованный внутри направленного

пространства. Через описание конструктивных изменений социального пространства возникает оценка социальной «поверхности» личности...

Можно резюмировать, что П.Бурдьё видит избавление от иллюзий в критическом анализе биографий, нацеленном на вычленение траекторий агента в меняющемся пространстве, и предупреждает о дискурсивной форме происхождения рассказов о жизни.

Но есть в контексте этой небольшой работы тень постоянной для биографических исследований проблемы – как методологически обходиться с тем зазором, который существует между реальностью жизни и реальностью рассказа о ней. Здесь и введение постулата о гомологии, и придание особого статуса реальности *per se*, и шаги обоснованного восхождения... Концептуализация этого зазора представляет одну из интереснейших задач биографического дискурса. В этом направлении для развития дискуссии мне хотелось бы привлечь идеи грузинского философа М.Мамардашвили, который, анализируя превращенные формы у Маркса, обращает внимание на их особую квазипредметность (Мамардашвили 1990, 273). Возникнув вместо реальных вещей, они функционируют далее как целостные феномены. Эти фикции становятся реально действующей силой именно потому, что на практике восполняют выпавшие из системы связи. Это можно назвать иллюзией, квази-реальностью, далекой от прототипа. Но это может иметь прагматический смысл, функцию преобразования, замещения, в итоге – конституирование социальной реальности. То есть, биографизирование как производство «иллюзий» может иметь не только дискурсивный характер, что бесспорно в отношении жанра институциональных биографий, написанных или рассказанных для социальных институтов. Этот процесс может иметь характер объективной ошибки в смысле ее необходимости, неизбежности в целях придания эмпирическому опыту целостности и единства. Рассказывая свою жизнь, мы создаем форму, посредством которой мы распознаем в этой жизни то, что без этой формы не увидели бы.

Литература

Мамардашвили М.К. 1990. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений). В: Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.

Разинов Ю.А. 2000. Объективная ошибка в социальном конструировании реальности. В: Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Материалы летней школы. Самара: Самарский Госуниверситет.

Alheit P., Fischer-Rosenthal W., Hoerning E. 1990. Biographieforschung. Eine Zwischenbilanz in der deutschen Soziologie. Werkstattbericht des Forschungsschwerpunkts Arbeit und Bildung. Bremen.

Nassehi A. 1994. *Die Form der Biographie*. Theoretische Ueberlegungen zur Biographieforschung in methodologischer Absicht. – *BIOS – Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History* 7. S.46-63.

Rosenthal G. 1995. Erlebte und erzählte Lebensgeschichte. Gestalt und Struktur biographischer Selbstbeschreibungen. Campus Verlag Frankfurt/Main, New York.

Rahkonen K. 1991. Der biographische Fehlschluss. Einige kritische Bemerkungen. – *BIOS – Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History* 7. S.243–336.

Рубрика «Визуальная социология» имеет своей целью введение в оборот социологии фотографии как социально релевантной визуальной информации. В данном случае подразумеваются прежде всего не иллюстративные или документальные возможности фотографии как фотодокумента, а скорее фотография как основа для последующего раскрытия социальных смыслов презентуемого социокультурного контекста, и в этом плане мы намерены обращаться к разным культурам и временам. Поэтому предполагается публикация содержательно не однолинейных фотографий, дающих возможности для социальной рефлексии путем перевода визуальных элементов в определенную текстуальность. Концептуальные позиции авторов интерпретации могут демонстрировать приверженность различным парадигмам: этнография, антропология, этнометодология, конструктивизм и т.д. Каждая интерпретация открывает свои методические подходы к анализу визуального материала, провоцируя на дискуссию об изображении как отношении содержания и формы. Читатели приглашаются разделить процесс со-творчества и присылать свои интерпретации, а также фотографии.

Роберт Франк. «Троллейбус. Нью-Орлеан, 1955 год»

Сopyright фотографий Р. Франка принадлежит галерее Mc-Gill, Нью-Йорк